

Ф. Эспозито

«КРЫЛАТЫЕ МЕЧИ». ГЕРОИ И ТЕХНИКА: ОТ ТРАДИЦИИ К ПЕРЕМЕНАМ

То, что такой мир, лишенный мифа, смог сформироваться во время войны, продемонстрировав торжество современной индустрии, материализма и механики, говорит об аномалии, достойной нашего рассмотрения¹.

Наиболее распространенные представления о Первой мировой войне неразрывно связаны с окопами и воронками, гранатами и пулеметами, заграждениями из колючей проволоки и с массовой гибелью неизвестных солдат. В архаическом, изрытом кратерами ландшафте солдаты подвергаются силовому воздействию, сами — бессильные перед всемогуществом техники и материала. Однако уже в двадцатых годах начинает формироваться иной образ воина: «Великий летчик, человек в танке, технически грамотный командир ударного отряда»². Эрнст Юнгер и другие апологеты войны видели в этих мужчинах людей нового поколения: «...оно строит машины и противостоит машинам, машины для него — не мертвое железо, а органы власти, которыми оно владеет с холодным рассудком и горячей кровью»³. Они восхваляли войну как эру рождения «нового человека», который «привык жить более полной жизнью благодаря машине»⁴. Наблюдения Юнгера можно считать своего рода картой, которая поможет разобраться в переплетении текстов о Первой мировой войне.

«Потерянная победа» и «позорные условия мира» стали движущей силой немецких реваншистских устремлений. Взгляды вновь обратились на «внутренних врагов», нанесших коварный удар кинжалом в спину немецкому Зигфриду. Но, кроме того, появилось убеждение, что обнаружена «Ахиллесова пята» самой армии, слабость, которая не дала Германии победить, а именно, отсутствие у «героев» позитивно-

¹ *Fussel P.* The Great War and Modern Memory. New York, 1975. P. 115.

² *Jünger E.* Das Wäldchen 125. Eine Chronik aus den Grabenkämpfen 1918. Berlin, 1930. S. 3.

³ *Ibid.* S. 19.

⁴ *Ibid.* S. 78.

го отношения к технике. Техника не была освоена, и это также стало причиной поражения немцев⁵. Покорившая многие умы концепция «тотальной войны» вскоре проникла в описания минувшей Первой мировой⁶. Ее герои были осмыслены как прототипы воинов будущей битвы, авангард победоносного блицкрига.

В 1920–1930-х гг. расплывчатый технократический проект предстоящей войны служил ориентиром для немецкого «военного» дискурса⁷. Воспоминания о Первой мировой войне омрачались тенью поражения, но их окружал контекст будущей войны, которая, как предполагали, должна увенчаться победой и смыть позор поражения. Эта непрерывная линия, направлявшая восприятие и поведение современников, четко проявляется в историографии⁸. То, что Третий рейх не был ни «аварией на производстве», ни внезапно одолевшей немцев бесовщиной, стало ясно как раз благодаря выявленной непрерывности. Но при этом наиболее яркие ее разрывы, и сам характер Первой мировой войны, как рубежа эпох, оказались вне поля зрения. Пропать, развершаяся во

⁵ Radkau J. Technik in Deutschland. Vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, 1989. S. 239–254. Радкау упоминает о «“квази-легенде кинжального удара” сторонников техники».

⁶ An der Schwelle zum totalen Krieg. Die militärische Debatte über den Krieg der Zukunft 1919–1939 / Hg. S. Förster. Paderborn, 2002.

⁷ Этот проект постоянно возвращался к причинам поражения и, таким образом, включал в себя и миф о «кинжальном ударе», и «позитивные результаты», иначе говоря «дух 1914 года», который должен был служить важнейшим элементом идеи «народного сообщества», а кроме них — фронтовое братство и «мужское товарищество». Во всяком случае, это вполне верно в отношении правых или умеренно революционных кругов, чьи глашатаи, очевидно, имели большее влияние на общественность (за исключением немногочисленных пацифистов, таких как Эрнст Фридрих, или, по крайней мере, критиков войны, как Эрих Мария Ремарк).

⁸ Перечислить огромное количество работ, посвященных поиску в истории Первой мировой войны истоков национал-социализма и причин Второй мировой войны, здесь, разумеется, невозможно. Достаточно указать на книгу Фрица Фишера «Порыв к мировому господству» (*Fischer F. Griff nach Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*. Düsseldorf, 1961) и напомнить о вызванной ее публикацией дискуссии, а также о ставшем популярным в недавнее время тезисе о «второй Тридцатилетней войне» (См.: *Wehler H.-U. Der zweite Dreißigjährige Krieg. Der Erste Weltkrieg als Auftakt und Vorbild für den Zweiten Weltkrieg // Spiegel Special*, 2004. Bd. 1. S. 138–143.).

время войны между «миром вчерашним» и миром сегодняшним, зачастую не воспринималась современниками, поскольку сохранялись их личные, биографические связи с прошлым и, как будет показано ниже, семантический камуфляж. Война, которая смела с земли последние остатки старых режимов (*ancien régimes*), сделала необратимым общественный и культурный прорыв к современности, который произошел самое позднее на рубеже XIX–XX вв.⁹ Сосуществование «четырех политических поколений»¹⁰ в период между двумя мировыми войнами и позднее еще служило мостом между «двумя утесами». И если события буквально опережали друг друга, то менталитет изменялся в гораздо более медленном темпе.

Далее будет показано, как некоторые «героические летчики» интерпретировали свою личность сами, и как ее оценивали другие люди; и что преодолеть разрыв с прошлым позволили интерпретационные стереотипы, ныне ставшие анахронизмами. Были возобновлены и продолжены старые, прерванные традиции, инсценировалась преемственность, поскольку это было необходимо для преодоления разрыва. Литературное отображение действий военно-воздушных сил можно считать свидетельством как того, что разрыв с прошлым состоялся, так и того, что через пропасть наводились мосты и переправы. Можно сформулировать и по-другому: работники средств массовой информации¹¹ осуществляли перевод с языка прошлого на язык современности, эти «переводчики» непосредственно участвовали в войне или были только наблюдателями событий. Далее рассматриваются книги о воздушной войне и тот контекст, в котором они возникали и существовали.

⁹ *Eksteins M.* Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. Boston, 1989.

¹⁰ *Peukert D.* Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1987.

¹¹ В понятии «работник средств массовой информации» представлен как экономический аспект процесса производства массовой литературы, так и техническая сторона ее создания. Как будет показано ниже, книги о войне стали литературой нового рода. Предполагаемого читателя они привлекали оформлением, нередко крикливо-яркой обложкой, многочисленными фотографиями, которые должны были не только иллюстрировать текст, но и служить подтверждением его правдивости. См. об этом: *Segeberg H.* Literatur im technischen Zeitalter. Von der Frühzeit der deutschen Aufklärung bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges. Darmstadt, 1997; *Literatur im Medienzeitalter. Literatur, Technik und Medien seit 1914.* Darmstadt, 2003.

Война по бросовой цене — марка за штуку

Жажда самовыражения и желание печататься у самозванных писателей впервые проявили себя в ура-патриотических стихах и прозаических сочинениях августа 1914 г., но они оказались безграничными. С невиданной производительностью заработали печатные станки, выпуская в свет невероятное количество военной «литературы»¹². Официальные сообщения, журналистские репортажи и вдохновленные войной стихотворные опусы доморощенных поэтов, взывавших к героизму и самопожертвованию во имя отечества, дополнялись довольно заметными явлениями литературного стиля. В стороне от публицистики, балансируя на грани пропагандистских текстов, журналистики и литературы, создавались повествования, издававшиеся в виде книг. Аутентичность (мнимая) и реализм (предполагаемый) отличали эти книги о войне от текстов минувшего века. Тем самым шел общий процесс в развитии немецкой литературы, который можно назвать «усилением журнализма» или «эпохой свидетельств»¹³.

В ходе этой литературной мобилизации летчики написали целый ряд «военных книг», удовлетворяя тем самым не только запросы населения, хотевшего получать «аутентичные» сообщения с фронта, но и потребность авторов письменно переработать свои переживания и оставить личное свидетельство о «великом времени»¹⁴. Воины вели дневники, писали письма домой. Из-за прибыльности самого предприятия и в соответствии с национальными интересами издательства охотно ре-

¹² По свидетельству современника, в первые недели войны каждый день в редакции газет и журналов поступало около 50 000 стихотворений на военные темы. *Fries H.* Deutsche Schriftsteller im Ersten Weltkrieg // *Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse* / Hg. M. Michalka, 1994. S. 827; См. также: *Schneider Th. F.* Zur Kriegsliteratur im Erstem Weltkrieg // *Kriegserlebnis und Legendenbildung. Das Bild des «modernen» Krieges in Literatur, Theater, Photographie und Film. Bd.1 (Vor dem Ersten Weltkrieg; Der Erste Weltkrieg)* / Hg. Th. F. Schneider. Osnabrück, 1999. S. 101–114.

¹³ *Fries H.* Deutsche Schriftsteller und der Erste Weltkrieg. S. 827.

¹⁴ *Ulrich B.* Die Augenzeugen. Deutsche Feldpostbriefe in Kriegs- und Nachkriegszeit 1914–1933. Essen, 1997. О феномене военных книг см.: *Schneider Th.F.* Zwischen Wahrheitsanspruch und Fiktion. Zur deutschen Kriegsliteratur im Ersten Weltkrieg // *Der Tod als Maschinist. Der industrialisierte Krieg 1914–1918* / Hg. R. Spliker, B. Ulrich. Bramsche, 1998. S. 142–153; *Endlich die «Wahrheit» über den Krieg. Zur deutschen Kriegsliteratur* // *Text und Kritik.* 1994. № 124. S. 38–51.

дактировали дневники и полевые письма и готовили их к публикации. При этом издатели ничем не рисковали. Война открыла для них новый рыночный сектор, и вскоре появились так называемые военные библиотеки. Книги о войне, в любом случае, — это продукт издательской деятельности, подчиняющейся законам рынка, чтиво, на которое есть спрос. Издательство Ульштайн, выпустившее в свет, пожалуй, наиболее успешную серию военных книг, продавало читальням военные приключения по цене одна марка за штуку, однако доставляло свою продукцию и в окопы, так как книги разрешалось пересылать полевой почтой.

Большой популярностью у читателей пользовались, например, книги о новых видах вооружений. Усилиями прессы имена авторов были у всех на устах. Если авторы не отличались компетентностью в литературе, то читатели открывали в них другую, даже более ценную особенность. Авторами чаще всего были прославленные офицеры, места, где они «покрыли себя славой», уже стали широко известны благодаря репортажам с театра военных действий. Их тексты, хотя и не обязательно соответствовали, но и не противоречили пропаганде. А так как авторы, чьи книги принимались к опубликованию в военных сериях, разумеется, не подвергали войну критике, то цензура в основном ограничивалась тем, что переделывала некоторые собственные имена и названия или просто их вычеркивала. У читателя складывалось впечатление, что ему открывают некие военные тайны, но всегда лишь в той мере, в какой это разрешено, чтобы не подвергать опасности известные лица или воинские подразделения, если паче чаяния, книга «попадет в руки врага». Читателю было лестно такое отношение.

Авторы неплохо зарабатывали на своих сочинениях и считали, что воссоздают подлинную картину войны. Они явно претендовали на правдивость. Читателю обещали неприкрашенную реальность войны: «военные книги» издательства Пертес в Готе, как гласила реклама, находились «на передовой». Туда же переносило воображение и читателя. Впечатление непосредственности, аутентичности, а также «объективности» усиливали рекламные тексты, такие, например, как следующий, напечатанный на обложке книги «Полевые летчики на фронте»:

«От всей души рекомендуем эту книгу всем, кто хочет представить себе, что значит “летать” и, узнать, какие великолепные деяния свершает в небе военный летчик. Читатели, не располагающие специальными техническими знаниями, основательно и в то же время в увлекательной форме познакомятся со всеми необходимыми понятиями. Специалисты-техники с удовлетворением обнаружат, что не кто-

нибудь, а их “коллега” создал прекрасные образы боевых летчиков, и смогут пополнить свои знания или же удостовериться в правильности прежнего опыта. Адольф Виктор фон Кербер, пилот, награжденный железным крестом, увековечил тех, кто ныне сражается и каждую минуту, каждый день и час, днем и ночью жертвует своей жизнью, он создал памятник бойцам, лучше которого и быть не может»¹⁵.

Официальная пропаганда, публицистика, издатели и авторы, окрыленные «духом 1914-го года», как видно, проводили общую линию. Все они старались придать смысл войне, в которой день ото дня смысла становилось все меньше. Их описания позволяли осмысленно интегрировать военные события в жизненные судьбы создателей текстов, а также адресатов этой информации. Солдаты, а вместе с ними все общество, шли на войну, как известно, с заранее сформированными ожиданиями, однако, самое позднее, после битвы на Марне реальность опрокинула их надежды. Разумеется, из-за этого не произошел отказ от устаревших к тому моменту, весьма далеких от реальности представлений о войне. Скорей, речь шла об их модификации, о переосмыслении и адаптации к новым условиям первоначально созданных текстов. Исследованные нами книги о воздушной войне, однако, не были инструментами для воздействия государства на общественное мнение¹⁶. Они представляли собой словесно-речевые объективации отношения к войне участников или очевидцев военных событий. Словесность была поставлена на службу войне¹⁷. Язык, являющийся посредником в общении и хранилищем общественного знания, семантически структурировал опыт войны, переживания становились познаваемыми, пригодными для передачи другим людям, для воспоминаний и напоминаний¹⁸. Сконстру-

¹⁵ Рекламный текст на обложке книги: *Koerber A. V. von. Luftkreuzer im Kampf. Leipzig, 1916.*

¹⁶ *Lipp A. Die staatliche Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914–1918. Göttingen, 2003.*

¹⁷ *Heise J. Sprache im Dienste des Völkerringens. Linguistische Perspektiven zum Ersten Weltkrieg // Krieg und Literatur V (1999). S. 37–54; Reimann A. Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000.*

¹⁸ См. в этой связи: *Berger P. L., Luckmann Th. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. Frankfurt am Main, 1969.* Социология знания, предложенная Бергером и Лукманном, стала теоретической базой разработанного Тюбингенским исследовательским

ированные пропагандистские образы опять входили в общественный запас знаний и вновь служили поддержкой для интерпретаций.

Ход и картина войны в этих книгах представлены однозначно, облик войны персонализирован. Военные будни, жизнь персонажей — рассказчиков давали читателям возможность идентификации. Тем самым далекое и непостижимое «великое событие» становилось более доступным для восприятия. Рассказ о совершении подвига, как правило, велся от лица самого героя¹⁹. Сюжеты незамысловаты. В них редко обнаруживается конфликт интересов, и он обычно состоит в том, что будущему герою по каким-то внешним причинам не удастся сразу стать летчиком. Очевидно слияние интересов героев историй с течением истории. Радостное служение отечеству, исполнение долга, — таковы старые

проектом «Военный опыт. Война и общество в Новое время» понятия (военного) опыта, которое используется нами в данной статье. См. также: *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Überlegungen zur erfahrungsgeschichten Untersuchung von Feldpostbriefen // MGM. 1997. № 56. S. 1–30*; а также *Deutsche Soldaten — nationalsozialistischer Krieg? Kriegserlebnis — Kriegserfahrung 1939–1945. Paderborn, 1998*; *Die Erfahrung des Krieges. Von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg. Perspektiven einer Erfahrungsgeschichte / Hg. N. Buschmann, H. Carl. Paderborn, 2001*.

¹⁹ Если герой погибал, рассказ о нем вели родные, выступая в роли издателей дневников или писем. Такие сборники, а также «портреты» отдельных героев иногда издавались различными союзами (например, Немецким союзом воздушных флотов) или профессиональными литературными работниками. В качестве материала исследования нами проанализированы следующие книги: *Boelcke O. Hauptmann Bölckes Feldbriefe. Gottha, 1916*; *Buddecke H. J. El Schabin (Der Jagdfalke). Aus meinem Fliegerleben. Berlin, 1918*; *Das fliegende Schwert. Wesen, Bedeutung und Taten der deutschen Luftflotte in Wort und Bild / Hrg. Deutscher Luftflottenverein. Oldenburg, 1917*; *Eddelbüttel F.W. Artillerieflieger. Dresden, 1918*; *Kreuz wider Kokarde. Jagdflüge des Leutnant Udet / Hg. E.F. Eichler. Berlin, 1918*; *Deutschland in der Luft voran! Fliegerbriefe aus Feindesland / Hg. H. Floerke, G. Gärtner. München, 1915*; *Gottschalk R.O. Boelcke, Deutschlands Fliegerheld. Schilderung seines Lebensweges und seiner Heldentaten im Luftkampf. Leipzig, 1916*; *Heydemarck G. Doppeldecker C 666. Als Flieger im Westen. Berlin, 1916*; *Immelmann M. Meine Kampf Flüge. Selbsterlebt und selbsterzählt. Berlin, 1916*; *Killinger E. Die Abenteuer des Ostseefliegers. Berlin, 1916*; *Fliegerleutnant Heinrich Gontermann / Hg. L. Müller. Barmen, 1918*; *Plüschow G. Die Abenteuer des Fliegers von Tsingtau. Berlin, 1916*; *Richt-hofen M. von. Der rote Kampf flieger. Berlin, 1917*.

образцы, к которым обращались авторы, чтобы показать, каким было вторжение войны в их жизнь²⁰. Эти доблести авторы и превозносят.

Актуализация доблестей, новая версия образа героя-воина исполняли традиционную, стародавнюю функцию. Тексты, сочиненные летчиками, живописуют идеальный образ мужественного воина. Показывая, что достижение такого идеала почетно, полезно и ведет к славе, авторы служили делу мобилизации общества и поддержанию воли к победе. Было актуально подражать внешнему виду и поступкам героев, а, кроме того, воспринимать и образчики интерпретации этих образов. Герои служили примером для молодежи. Они должны были повышать стойкость и уверенность в победе. В предисловии к книге «Наши военно-воздушные силы», вышедшей в 1917 г., говорится:

«В книге делается попытка в особом свете представить отдельные подвиги и достижения великой войны, — на первый взгляд это невероятно, ведь вряд ли у кого-то может возникнуть сомнение в том, что эта война, колоссальнейшая из всех битв мировой истории, есть великое откровение немецкого героизма <...> Наша книга посвящена новейшему оружию германского войска и флота военно-воздушным силам, которые достойно встали рядом со своими старшими собратьями и воистину помогли сохранить в незапятнанной чистоте славный щит древней воинской славы немцев. Ныне стремления многих и многих направлены на то, чтобы обучить нашу подрастающую молодежь отлично владеть оружием. Предлагаемая вниманию читателей книга внесет в это дело свой вклад; ибо, что может лучше закалить молодежь для грядущей борьбы за жизнь, если не постоянное воодушевление великими деяниями нынешней мировой войны, а равно восприятие и усвоение ее героического духа! Именно таков замысел нашей книги, и потому мы надеемся, что скоро у нее появится много друзей»²¹.

Войну в воздухе, — что будет показано в дальнейшем изложении — описывали как мужественное состязание и неудержимую радость, увлекательное, на редкость заманчивое занятие. Возможные сомнения

²⁰ Например, в письме Генриха Гонтерманна к отцу от 24 июня 1915 г. говорится: «Надеюсь, благодаря радостному труду для отечества твои нервы стали по-настоящему воинскими. <...> Какое великое счастье нам выпало — жить и трудиться в столь грандиозное время!» Müller L. Fliegerleutnant Heinrich Gontermann. Barmen, 1918. S. 45.

²¹ Funk. Unsere Luftwaffe. Ihr Wesen und ihre Entwicklung, mit Beiträgen berühmter Flieger und Führer von Luftschiffen, zugleich Jahrbuch des Luftfahrerdank. e. V. Leipzig, 1917.

в правдивости изображенных картин подавлялись тем, что авторы снова и снова торжественно заверяли читателей в своей правдивости: война такова, какой ее изображают, ибо авторы лично в ней участвовали, хотя многие и погибли.

Далее, при рассмотрении важнейших тем, так или иначе затронутых в этих книгах, мы будем постоянно обращаться к вопросу об интегрирующей, стабилизирующей и семантической функции авторских интерпретаций. «Общие места», которые в подновленном виде постоянно воспроизводились в книгах летчиков, можно считать матрицей, определявшей восприятие авторов-участников событий и помогавшей интерпретировать военные впечатления и переводить их в резерв своего опыта. Это справедливо в отношении авторов-летчиков, а также журналистов и читателей — реципиентов текстов. Поскольку события воздушной войны преобразовывались в повествования, построенные по традиционным сюжетным схемам, они переставали вызывать ужас, теряли свою новизну и становились понятными. Необходимо помнить о том, что тексты, созданные летчиками, были эффективны и имели успех у читательской аудитории исключительно на фоне актуальных событий, происходивших тогда на земле. Воздушная война была противоположностью позиционной войны. Тягостное пребывание в окопах, гибель обезличенных солдатских масс, страх перед грозной новой техникой и явно бессмысленная борьба за узкую полосу «ничьей» земли в повествованиях о воздушной войне оказывались диалектически снятыми.

Истолкование воздушной войны: от происхождения к будущему

«Кто же они такие, летчики? Они рождены огромным войском, которое на передовых позициях, в окопах, сражается под вечным огнем, они составляют элиту, образовавшуюся из стремления ко всё более отважным формам битвы. Среди них есть бывшие кавалеристы, худощавые всадники с резкими чертами лица, с блестящими моноклями. Им надоело сидеть в тылу, в селах да замках, бездельничая в ожидании нового наступления. По ним сразу видно — это выходцы из древних фамилий, с незапамятных времен дух конных сражений у них в крови, они свысока поглядывают на части, которые ведут наступление, двигаясь вслед за машинами и стрелками с автоматическим оружием, им видится тут что-то не вполне достойное их сословия. И говорят даже, они лучше разбираются в охоте и стрельбе, чем в техническом обслужи-

вании двигателей. Но есть и другие летчики, они выросли в задымленных кварталах близ крупных индустриальных предприятий, они сызмальства хорошо знают орудия и энергии нашего века. Они глубже постигли наш новый мир, скрывающий под холодной поверхностью пламенные тайны и чудеса; они чуют приближение стихийного духа огня, его пробуждение в атомах стали и взрывчатых веществ, в треске и искрах мотора. <...> Самолет им послушен, как бумеранг австралийцу»²².

Вернемся к карте Э. Юнгера — на ней отмечен путь, по которому направились образы и представления о воздушной войне. Мы же пройдем этим путем в обратном направлении. Кавалеристы, по происхождению дворяне, знавшие толк в охоте, но не в моторах, и буржуа, которые лучше разбирались в машинах, нередко встречаются на страницах книг о войне. Социальные типы, с пафосом воспетые Юнгером, отражают состав ВВС²³ и во многих отношениях соответствуют стилизованным образам летчиков, созданным во время войны²⁴. Эти два типа

²² *Jünger E. Das Wäldchen 125 // Werke. Bd. 1. Tagebücher 1, Der Erste Weltkrieg. Stuttgart, 1960. S. 369.*

²³ Эти осмысления, как и всякая интерпретация, были «привязаны» к реальности, несмотря на то, что передают лишь фрагмент действительности. Как известно, представители буржуазии шли служить преимущественно во флот, можно предположить, что и ВВС обладали для бюргеров известной притягательностью. В ВВС, как и в военном флоте, структура не была чрезмерно жесткой, традиции не имели большого значения, то есть не отдавалось исключительное предпочтение дворянам. Напротив, как раз солдаты выходцы из буржуазии, особенно дипломированные специалисты, промышленники и, в первую очередь, инженеры, которых в стране становилось все больше, были более востребованы, поскольку у них, в отличие от выходцев из поместного дворянства, имелись соответствующее образование и необходимое знание техники. Численность военных летчиков из дворян заметно возросла, когда изменился характер военных действий и, еще в начале Первой мировой войны, кавалерия утратила военное значение.

²⁴ Например, следующий текст о Генрихе Гонтерманне, как две капли воды, похож на текст Э. Юнгера: «Такой была атмосфера, в которой родился и рос наш Генрих Гонтерманн. Дым, поднимающийся из фабричных труб, пляшущие языки пламени вагранок, гул силовой станции и скрежет валов, которые, медленно вращаясь, острыми резцами снимают с детали металлическую стружку до тех пор, пока деталь не станет правильной и округлой. В такой обстановке подрастал мальчик и юноша. Здесь всюду полная силы жизнь, движение, здесь требуется серьезное отношение к делу, работа связана с риском, необходимы сосредоточенность и внимание. Хорошая школа для всякого, у кого

различаются по своему социальному происхождению, но оба восходят к одной и той же матрице, определявшей представление об офицерах и обеспечивавшей известную однородность²⁵. Кроме того, оба типа характеризуются стилем, свойственным всему поколению, опасениями, надеждами и ролевыми представлениями, которые определяли их изображение в литературе, создавали и продолжали их традицию²⁶.

«Герои-летчики», в основном, были людьми, родившимися в 1889–1895 гг.; в начале войны им было от 19 до 25 лет. Детские их впечатления восходят к временам эйфории, связанной с подъемом на рубеже веков, а молодость была омрачена страхом перед будущим и проходила в атмосфере шовинизма и великодержавных устремлений, характерных для Германии предвоенных лет²⁷. Эти люди росли в благополучных, но стеснявших развитие личной активности условиях, не имея возможности проявить мужскую отвагу, удовлетворить жажду приключений. Нарастало недовольство молодежи ограничениями и обязанностями цивилизации, которые были навязаны поколением отцов и учителей, суровыми, авторитарного стиля мужчинами, требовавшими дисциплины и покорности, построившими мощную, динамичную нацию и считавшие это своей высочайшей заслугой. Эти фоновые условия были общими

есть задатки инженерно-промышленной профессии, чей дух осознанно или безотчетно желает достичь господства над материей, будь то распиливание доски или разрезание металлического блока, или же — уверенное плавание по воздушному океану. Такими были в конечном счете задатки нашего Генриха, и они сохранились на всех этапах его пути, приведшего в конце концов к покорению воздушной стихии». (Fliegerleutnant Heinrich Gontermann. S. 5).

²⁵ См.: *Funck M.* Vom Höfling zum soldatischen Mann. Varianten und Umwandlungen adeliger Männlichkeit zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus // *Adel und Moderne. Deutschland im europäischen Vergleich im 19. und 20. Jahrhundert* / Hg. E. Conze, M. Wienfort. Köln, 2004. S. 205–235; *Stoneman M. R.* Bürgerliche und adelige Krieger. Zum Verhältnis zwischen sozialer Herkunft und Berufskultur im wilhelminischen Armee-Offizierkorps // Hg. H. Reif. *Adel und Bürgertum im 19. und 20. Jahrhundert: Entwicklungslinien und Wendepunkte II*. Berlin, 2001. S. 25–63; *Ostertag H.* Bildung, Ausbildung und Erziehung des Offizierskorps im deutschen Kaiserreich 1871 bis 1918. *Eliteideal, Anspruch und Wirklichkeit*. Frankfurt am Main, 1990.

²⁶ О «стиле поколения» см.: *Herbert U. Best.* Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft 1903–1989. Bonn, 1996.

²⁷ *Wohl R.* The Generation of 1914. London, 1979; *Peukert D.J.K.* Die Weimarer Republik. Krisenjahre der klassischen Moderne. Frankfurt am Main, 1987. S. 25–31; *Herbert U. Best.*, 1996.

у летных офицеров, чье личное развитие состоялось лишь на войне. На ее фронтах они служили стране, которая давно уже переступила порог новой эпохи, однако, казалось, все еще противилась совершившемуся перевороту²⁸. По крайней мере, в военных книгах разразившаяся война предстает как избавление. Она дала молодежи возможность испытать свое мужество и готовность к самопожертвованию.

Популярность летчиков, уже немалая к началу войны, не была результатом военных достижений. Ведь эти достижения ограничивались, прямо скажем, не «самой увлекательной» областью оперативной разведки. Разведкой занимались летчики на невооруженных, очень ненадежных и маломощных летательных аппаратах²⁹. Именно новизна, риск и ненадежность техники породили восхищение профессией летчика³⁰. Книги о воздушных сражениях воспроизводят довоенный контекст, т.е. увлечение воздухоплаванием, когда широкие слои населения охватила «горячка скорости»³¹. Авиационные парады, как и автомобильные, велосипедные и мотоциклетные гонки привлекали тогда

²⁸ О понятии модернизма Германии, очищенном от шелухи нормативных коннотаций, см.: *Eley G. German History and the Contradictions of Modernity: The Bourgeoisie, the State, and the Mastery of Reform // Society, Culture, and the State in Germany, 1870–1930 / Hg. G. Eley. S. 67–130.*

²⁹ Вопреки противоположным мнениям верховного командования, вскоре оказалось, что военные возможности самолета отнюдь не сводятся к перечисленным недостаткам. Недальновидность генералитета, который считал авиацию лишь одним из видов спорта, вполне понятна, если принять во внимание, какие самолеты были тогда на вооружении: обтянутый полотном складной каркас, прозванный «голубь-тарактелка». О строительстве ВВС см.: *Köbler K. Organisationsgeschichte der Luftwaffe von den Anfängen bis 1918 // Handbuch zur deutschen Militärgeschichte 1648–1939 / Hg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt, München, 1979. S. 283–311; Groebler O. Geschichte der Luftkrieges 1910 bis 1980. Berlin (Ost), 1981; Morrow J. Jr. German Air Power in World War I. Lincoln NE, 1982; Kilduff P. Germany's First Air Force 1914–1918. London, 1991; Potempa H. Die Königlich-Bayerische Fliegertruppe 1914–1918. Frankfurt am Main, 1997.*

³⁰ *Ingold F.Ph. Literatur und Aviatik. Europäische Flugdichtung 1909–1927. Frankfurt am Main, 1980; Fritzsche P. A Nation of Fliers: German Aviation and the Popular Imagination. Cambridge MA 1992; Reinicke H. Zeppelin, Karl May und die deutschen Auffahrten nach Dschinnistan // Fleigen und Schweben. Annäherung an eine menschliche Sensation // Hg. D.R. Bauer, W. Behringer. München, 1997. S. 317–343.*

³¹ *Kern S. The Culture of Time and Space 1880–1918. London, 1983; Ingold F.Ph. Literatur und Aviatik. Europäische Flugdichtung, 1909–1927. Frankfurt am Main.*

огромные массы зрителей. Невероятно популярные спортивные праздники и до войны отражали соперничество между народами, а с 1914 г. спортивная погоня за рекордами в воздухе стала смертельно опасным соревнованием в количестве сбитых машин³². У летчиков остались прежние манеры щеголеватого спортсмена, вызывавшие восторги публики. Летчики сами окружили себя этой аурой. Описания их военных подвигов нередко проникнуты духом спортивной состязательности:

«Шестнадцатый упал. Итак, я опередил все истребители. К этой цели я стремился. Об этом годом раньше в шутку говорил моему другу Линкеру во время совместных тренировочных полетов, он тогда спросил: “Какова ваша цель? Чего вы хотите достичь как летчик?” Я ответил шутливо: “Да вот, думаю, лететь впереди всех истребителей, наверное, очень недурно!»³³

Быть впереди, возглавлять таблицу — такова личная мотивация летчиков. Вдобавок, участие в состязании обещало многие поощрения. Было бы заблуждением оценивать поведение летчиков по «штатским» критериям. Пилоты истребителей были профессиональными военными, молодыми офицерами, для которых война являлась единственным полем приложения их сил и способностей. Война была их работой, следовательно, они имели профессиональные стимулы и побуждения. Как видно из следующего отрывка, наряду с личными и профессиональными мотивами, существовали и социальные ролевые ожидания, которые надо было оправдать на практике:

«Я хочу стать профессиональным военным не для того, чтобы жить, а только чтобы попытаться стать кем-то дельным! Покамест я исполняю свой долг перед отечеством, сражаюсь. И буду сражаться до последней капли крови. Если бы я сполна не осознал этого во время войны, то потом, в мирные годы, никогда не смог бы исправить свою ошибку и утратил бы чувство собственного достоинства и самоуважение. <...> Если правильно понимать честь, которую дает

1980; *Fritzsche P.* A Nation of Fliers: German Aviation and the Popular Imagination. Cambridge, MA. 1992.

³² Сочетание этого восторженного отношения к технике с национализмом, а также важная связь националистических мечтаний с технико-модернистскими картинками будущего в Германии находили широчайший отклик в массах, что выразилось, прежде всего, в увлечении цеппелинами, ставшем настоящим культом. См.: *Fritzsche P.* A Nation of Fliers. S. 22–29.

³³ *Richthofen M. von.* Der Rote Kampfflieger. S. 106.

звание офицера, то ее можно сравнить с древним немецким посвящением в рыцари»³⁴.

Война позволила молодежи вырваться из душных домашних стен и пуститься на поиски приключений, которые могли снискать одобрение отцов и признание в обществе. Таких приключений ожидали от войны многие молодые люди, ставшие добровольцами. Они думали, их ждет что-то вроде очередной «поездки в Париж», — таким легким развлечением считали войну 1870–1871 гг. Самое позднее — после битвы на Марне — с иллюзиями было покончено. Когда солдаты засели в окопах, выставив наружу дула пулеметов, традиционное представление о героизме также было отброшено. Старые воинские доблести в битве техники и материалов ни на что не годились. Нужны были стойкость и терпение. Готовность к самопожертвованию под ураганным огнем была востребована больше, чем отвага и лихость. Война сама создавала своих героев. Одним мифом о Лангемарке, который по-настоящему прославился лишь позднее, невозможно было поддерживать стойкость и веру в победу. «Как раз когда все уже считали войну только кровавой работой безымянного оружия, при которой любой личный подвиг, любое личное достижение растворяются без следа, в отдельных областях вновь совершались те чисто личные героические поступки, что давно были похоронены вместе с рыцарством, и думалось, похоронены навеки»³⁵.

³⁴ Fliegerleutnant Heinrich Gontermann. S. 40.

³⁵ «Flieger Richthofen gefallen» // Vorwärts. 24.4. 1918 (Nr. 112). S. 2. Цит. по: *Schilling R.* Kriegshelden. S. 253. Сходную характеристику см.: *Wegener G., Hauptmann B.* Der Wall von Eisen und Feuer. Bd. II. Champagne–Verdun–Somme. Leipzig. 1918. S. 332: «Эта война с ее чудовищным массовым воздействием, как ни одна война доселе, наделена чем-то безличным. Разумеется, мы хорошо понимаем, что повсюду на фронте война порождает героев в таком изобилии и столь великих, как еще никогда не бывало в истории человечества, однако слава одиночки растворяется в общности; примечательно, что за эти два года так мало имен стало народными, блистающими, любимыми. Исключение составляют боевые летчики. Самых успешных среди них народ знает по имени и любит каждого из них, следит за каждым их деянием и ликует, когда число побед увеличивается. И это вполне понятно. Ведь здесь отчетливее, чем в любом другом роде войск выступает достигнутое каждым в отдельности и то, что его достижение является абсолютно личным. Его собственная храбрость и удалство, решительность и присутствие духа, его знание самолета, мастерская стрельба служат порукой жизни и успеха летчика; никто его место не заступит. Он знает, что к его нервам там, в воздухе,

В течение 1916 г. летчики превратились в «звезд»³⁶ тогдашней прессы. Причиной этого было не только деморализующее воздействие гетатомб Вердена и Соммы, но и предшествовавшее колоссальным битвам техническое развитие самолетов и систем вооружения в 1915 г.,³⁷ а также изменения стратегии и тактики применения ВВС. Если в окопах правила бал механизированная смерть, то в небесах успешно развивалась форма ведения боя, которую уже считали отжившей, и ее герои пожинали славу.

«Мгновенно решившись, я поднялся на значительную высоту и над Мюльхаузенем в одиночку атаковал эскадрилью из восемнадцати вражеских самолетов, “кодронов” и “фарманов”, на полной скорости я ринулся с высоты прямо в центр эскадрильи, самого жирного взял на мушку и метров с пятидесяти сделал первый выстрел. Результат — противник загорелся и, ярко вспыхнув, рухнул вниз, на Мюльхаузен. Не умею описать чувство, которое я испытал, я был готов кричать от гордости и радости»³⁸.

Если солдатская масса воспринимала войну как торжество грандиозной силы, то в книгах о войне, написанных летчиками, такое представление отсутствует. Летчики не были задействованы могучей анонимной машиной смерти, они действовали самостоятельно. И если простой солдат нередко видел противоречие между общими «задачами войны» и своими личными целями и ожиданиями, то для асов смерть противника была поводом для гордости и радости. Судя по книгам, какого-то расхождения интересов не наблюдалось. Чем больше число сбитых самолетов врага, тем больше слава и популярность летчика.

«Вот и прошли эти славные дни. Но не последствия славы! Невероятно растет количество писем. Каждый хочет услышать мои рассказы,

предъявляются такие требования, которым может удовлетворить лишь самый умелый, и даже тот — лишь в момент расцвета своих юношеских сил».

³⁶ *Schüler-Springorum S. Vom Fliegen und Töten. Militärische Männlichkeit in der deutschen Fliegerliteratur 1914–1939 // Heimat-Front. Militär und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege / Hg. K. Hagemann. S. Schüler-Springorum. Год. S. 211–217.*

³⁷ Следует упомянуть о разработанной Э. Фоккером конструкции пулемета, который был прочно связан с мотором самолета. Стрельба производилась синхронно с вращением пропеллеров. С этого изобретения, а также применения летом 1915 г. самолета модели Фоккер Е 1 началась эпоха истребителей. На истребителях достигли своих первых побед пилоты Бельке и Иммельманн.

³⁸ *Kreuz wider Kokarde. S. 38.*

каждый хочет узнать подробности. Совершенно невозможно ответить хотя бы немного подробнее. <...> Никогда бы не подумал, что известность связана с такими неудобствами. О других, мелких знаках уважения, которые ежедневно и ежечасно мне оказывают в иных формах, просто не могу тебе рассказать»³⁹.

Летчики стали кумирами и поп-звездами, если использовать сегодняшнее выражение, ими восхищались женщины, на них сыпались ордена и прочие награды, военная и дворянская элита добивалась их расположения⁴⁰. В книгах летчики успешно поддерживали представление о войне, которое было привито им воспитанием: не кровь, смерть, жертвы, раны и поражения несет война людям, а медали, славу и почести, да еще фотографии крупным планом на обложках журналов. Летчикам и читателям их книг не довелось пережить крушение иллюзий, в отличие от пехотинцев, которые разочаровались в войне уже давно. Их надежды не были обмануты, потому что традиционные интерпретационные образчики удалось применить к воздушной войне, причем не возникло кричащих противоречий. Традиционные образы не разрушились, столкнувшись с жестокой реальностью, а, напротив, окружили восприятие войны некой аурой, которая не давала осознать и понять новую реальность.

³⁹ *Immermann M. Meine Kampfflüge. S. 87.*

⁴⁰ «14 ноября я был приглашен на обед у кронпринца Рудольфа Баварского. Присутствовали король Саксонии и принц Эрнст Генрих. <...> Несколько днями ранее пришла телеграмма, которой военный министр Фалькенхайн поздравил меня и сообщил, что император пожаловал меня рыцарским крестом. <...> Король Саксонии лично обратил мое внимание на то, что это — совершенно особенная награда Его Величества, которой я могу гордиться чрезвычайно. Высочайшие персоны подолгу беседовали со мной, каждый в отдельности, я снова и снова должен был рассказывать о сражениях в воздухе. <...> В десять часов я пришел на аэродром отделения. Тут же ко мне бросились два фотографа и попросили оказать им честь — позволить сделать снимки. Щелкнули не менее двадцати раз, да еще и кино сняли. <...> Сначала сняли кинокамерой меня возле моего “англичанина”, сбитою при четвертом вылете, потом сняли с капитаном Розенмюллером, а напоследок — во время беседы с королем. <...> Король прибыл в 10 час. 30 мин. Он подошел прямо ко мне, сначала с радостным удивлением осмотрел “англичанина” номер четыре, затем снял меня на фоне “англичанина”. Представляешь, король меня фотографировал! И то же самое — некоторые другие важные персоны и генералы». *Immelmann M. Meine Kampfflüge. S. 84.* Подобные акции способствовали не только прославлению летчиков, но и популярности правителей.

Судя по книгам летчиков, война была сценой, на которой проходили испытания стойкости, славные подвиги, приключения и мужественные поступки. Таковы семантические основы этой литературы. В ней не находили отражения изменившиеся условия и характер современной войны, однако тем полнее она соответствовала представлениям людей, не желавших осознать эти изменения. Рассказы о воздушных битвах возвращали войне волшебство, которое она начала терять, окружали ее аурой славы и блеском. Они дали повод воспринимать войну и, что самое важное, уничтожение людей как игру мускулов и состязание. Себастиан Хаффнер писал, например:

«<...> сравнение с футбольными болельщиками очень богато. Действительно, тогда, в детстве, я “болею” за войну в точности, как болеют за футбольную команду. <...> Важно было восхищение воинскими состязаниями, в которых имелись свои таинственные правила, и счет пленных, завоеванных территорий, покоренных крепостей и потопленных кораблей играл примерно ту же роль, что забитые и пропущенные голы в футболе или очки в боях боксеров. Я был жадным читателем военных сообщений, и “пересчитывал” все, опять же сообразуясь с очень загадочными, иррациональными правилами: например, десять взятых в плен русских равнялись одному пленному французу или англичанину, 50 самолетов стоили одного крейсера-броненосца... То была неясная, таинственная игра <...> Я и мои товарищи играли в нее на протяжении всей войны, четыре года, безнаказанно и беспрепятственно. <...> Война как великая, волнующая и вдохновляющая игра народов, которая дает более глубокое развлечение и более приятные эмоции, чем что-либо другое, что может предложить мирная жизнь; с 1914 по 1918 год таким был ежедневный опыт немецких школьников, родившихся в одном десятилетии»⁴¹.

Молодеческие подвиги, мужество и лихость авиаторов, казалось, еще давали результаты. Как можно заключить из книг о войне, в воздухе все еще шло единоборство воинов, рыцарские поединки. Однако недолго — вскоре и в воздухе решающее значение приобрела

⁴¹ *Haffner S. Geschichte eines Deutschen. Die Erinnerungen 1914–1933. München, 2002. S. 21.* Далее Хаффнер пишет: «... и это стало основным позитивным образом при нацизме. <...> Много позднее помогло нацизму и модифицировало его сущность. Но вот где его корни: не в “фронтowych впечатлениях”, а в восприятии войны немецкими школьниками... Подлинным поколением нацизма <...> являются те, кто родился в 1900–1910 гг., те, кто воспринимали войну как большую игру, будучи совершенно не затронутыми ее реальностью».

массовость⁴². Фактически противостояли друг другу целые эскадрильи, а не отдельные пилоты. На воздушной войне вопрос о победе или поражении также не решался только способностями индивида. Главное значение принадлежало качествам техники и искусной тактике⁴³. Но хитроумная тактика, разумеется, не входила в число «рыцарских» доблестей. Большинство побед в воздухе достигалось благодаря неожиданности нападения, а вовсе не в поединке между достойными друг друга противниками.⁴⁴ Тем не менее, в описаниях этой формы боя постоянно использовались сравнения с дуэлью и рыцарским турниром: «Едва я сел, он (сбитый противник. — *Авт.*) подошел ко мне. Он пожал мне руку и сказал, что я “real sportsman”. Мы выкурили по хорошей английской сигарете с приятным запахом, потом он заявил, что “ньюпорт” теперь ни на что не годен, и ушел в сопровождении двух солдат в серых полевых шинелях»⁴⁵.

К семантике рыцарственного поведения авиаторов относятся также описания братаний летчиков враждующих армий. В этом случае также

⁴² Под Верденом в распоряжении Пятой армии находилось 168 самолетов, на Сомме у немцев было 110 машин, тогда как у армий Антанты 300. См.: *Groeller O. Geschichte des Luftkrieges. S. 37; Neumann G.P. Die deutschen Luftstreitkräfte im Weltkrieg. Berlin, 1920. S. 466.*

⁴³ Рихтгофен пишет: «Имея малоопытную эскадрилью в целом просто невозможно подавить ни одного англичанина. Остаешься в одиночестве и должен смотреть в оба, как бы убраться целым и невредимым». *Richtbofen M. von. Luftkampfaktik // Richtbofen M. Ein Heldenleben. Berlin, 1920. S. 169.* О мифе рыцарской воздушной войны см. также: *Schilling R. «Kriegshelden». S. 255.*

⁴⁴ Сбитые вражеские самолеты по большей части были плохо вооруженными, маломаневренными и низкоскоростными транспортными машинами. Задачей истребителей было как раз их подавление. Истребители делали свое дело, не помышляя о рыцарском благородстве. Эйхлер описывает: «...один, кажется, заметил меня, потому что отстал <...>, а вот другой заметил меня слишком поздно. И по его полету я понял, что имею дело с тупым новичком. <...> Так как он летел гораздо медленнее, я мигом его догнал и оказался совсем близко. Я увидел, как летчик в ужасе обернулся и будто загипнотизированный устался на мой самолет. О поворотах и прочих штучках он и не думал, он, словно, дожидался моей пулеметной очереди. Может быть, машина у него бронированная, вот он и вообразил, будто ничто ему не грозит. <...> С расстояния 40 метров я дал очередь, затем у англичанина отвалилось крыло <...> Противник пролетел еще метров пятьсот “в сем мире”, с прощитой пулями грудью». (*Eichler E.F. Kreuz wider Kokarde. S. 90.*)

⁴⁵ *Eichler E.F. Kreuz wider Kokarde. S. 76.*

используются сравнения и прочие стилистические средства спортивной тематики; от «честной игры» неотъемлемо обращение с побежденным в соответствии с кодексом, принятым среди офицеров. Здесь книги летчиков свидетельствуют о господствовавшем в их среде кастовом сознании и о наличии социальных различий между нижними чинами и офицерами. Летчики дистанцировались от масс, воевавших на земле, и укрепляли свое положение элиты. Подчеркивание «красивого» рыцарского отношения к противнику должно было также опровергнуть обвинения в варварстве, на которые не скупилась пропаганда противника. Кроме того, очевидно, что этот камуфляж скрывал стратегическую задачу оправдания. Чем больше тот или иной летчик сталкивался с непрочностью понятий о цивилизованности в условиях войны, со своими собственными «архаическими» инстинктами, тем более важным становилось соблюдение форм, в которых по видимости сохранялись вежливость и культурность, сознание собственного «приличного поведения». Семантика рыцарства и спорта затемняла суть убийств и жестокостей войны, делала их как бы более приемлемыми. Сочувствие и жалость также были соединимы с идеалом мужественности того времени в семантическом контексте рыцарства и военного товарищества, хотя в целом эпоха не терпела проявлений «сентиментального слюнтяйства».

Использование понятий, связанных с семантикой рыцарства, требует более широкого их истолкования, если попытаться поместить их в контекст общественного переворота, катализатором которого явилась война. Впервые созданные тогда ВВС происходили из мира индустрии и техники, были порождены как раз «цивилизацией», против которой вела внутреннюю и внешнюю войну империя как носитель культуры. ВВС нуждались в собственной традиции, и она была найдена в идеализированной эпохе немецкого средневековья.⁴⁶ Многие офицеры из дворян, столкнувшись с тем, что кавалерия утратила свое значение, а с нею ушла в прошлое целая эпоха, пополнили ряды «крылатых мечей»; анахроническая идеализация средневековья дала им возможность найти себя и освоиться в новой, современной, технической сфере деятельности. Эта старая военная элита, которой грозило вымирание, снова обратилась к эффектным символам уходящей эпохи.

Однако если принять во внимание высокий процент офицеров — выходцев из буржуазии среди служивших в ВВС, то подчеркнутое

⁴⁶ В известном смысле происходило «изобретение традиции». См.: *The Invention of Tradition* / Нг. Е. J. Hobsbawm. Cambridge, 1983.

рыцарство летчиков выступает в ином свете. На семантическом и символическом уровне произошла «феодализация» буржуазии. Описывая воздушные сражения, буржуа сами «посвящали» себя в рыцари и, претендуя на свойственную рыцарству ведущую роль, присваивали себе символику старой элиты. Буржуазная среда, из которой в основном происходили литераторы и издатели, а также летчики, создала своих героев и навела на них глянec, использовав наиболее существенные элементы аристократической «образцовой культуры». Воздушные «дуэли», метафоры, заимствованные из лексикона охотников, а также гербы, знаки и рисунки, которыми украшали самолеты, убедительно свидетельствуют о том, что капитал символов минувшей эпохи был пущен в дело для основания традиции, необходимой современному роду войск, для примирения дворянской знати с новыми людьми и укрепления позиций буржуазии.

Эти герои обнаруживают как раз те доблести индивида, на которые притязала буржуазия: испытанность в деле, решительность, усердие, труд с выгодой для себя и, особенно, для общества. И они доказали, что соответствуют представлениям о мужественности, которые в отношении других бойцов война уже поставила под сомнение⁴⁷. Так как летчики были профессиональной элитой, то есть принципиально открытой функциональной группой, они прекрасно могли служить примером и для рабочих. Как явствует из военных книг, они принадлежали «к лучшим людям немецкого народа», их социальное происхождение не играло роли, важны были только успехи и личные качества. И действительно, случалось, что бывшему «шоферу» или унтер-офицеру из частей технического обслуживания выпадало счастье стать летчиком-истребителем, пусть даже и не столь горячо любимым в народе, как другие.

Вполне очевидно что, литературная продукция, посвященная воздушной войне, отражала существенные аспекты социального переворота. Коренные преобразования, ускоренные войной, поставили перед современниками сложнейшую задачу интерпретации событий. Прежде чем сформировались и были усвоены новые трактовки, традиционные фильтры восприятия и интерпретационные образцы подверглись проверке на реалистичность. Эти структуры сохранялись, пока с их помощью удавалось придавать текущим событиям тот или иной смысл.

⁴⁷ *Schilling R.* Kriegshelden. S. 15–33, 252–271; *Schüler-Springorum S.* Vom Fliegen und Töten.

В случае летчиков особенно заметный успех имел архаический типаж рыцаря, именно он оказался поливалентным и способным исполнять целый ряд функций в разнообразных контекстах. Большой успех военной литературы у читателей говорит о том, что существовала потребность в подобных, опиравшихся на семантические анахронизмы, мистификациях войны, уже утратившей привлекательность. Массовое чтение, адресованное представителям любых слоев общества, предлагало востребованный образ, противоположный индустриализированной, технизированной, анонимной смерти на полях сражений, удовлетворяло жажду романтики и открывало путь к бегству от гнетущей действительности. Воздушная битва стала антагонистом позиционной войны, служила как своеобразный антидот. Унылое сидение в окопах, бессмысленная массовая гибель людей, технические средства уничтожения получили диалектическое дополнение и снятие в литературном изображении воздушной войны.

Это обстоятельство выступает отчетливой, если обратить внимание на пространство и (военный) ландшафт, над которым парили в вышине летчики. Глаза армии — именно ими были военные летчики, — покоряя третье измерение, способствовали появлению нового отношения к пространству. Реализация мечты человечества — взлететь в небо подобно птице, по видимости, освобождала человека от привязанности к земле. Достаточно представить себе тяготы бытия окопных солдат, чтобы стало понятно: мобильность летчиков была решающим фактором их популярности. На символическом психологическом уровне летчики играли компенсаторную роль. Взиравшие с земли на летчика пехотинцы, а также читатели, видели свободное существо, вознесшееся над землей, где властвовал и вершил судьбы демон техники. Летчик — подвижное, не загнанное в тесные окопы создание, плывущее по воздушному океану, свободное и, казалось бы, ничем не связанное, — мог видеть все в целом, охватывал взглядом театр военных действий, в отличие от массы бойцов на земле. Герои воздушной стихии были «зрячими», а не «слепцами». Этот атрибут, способность видеть, но еще больше — мобильность обеспечивали летчикам статус героев⁴⁸. Они могли летать над нейтральными полосами, не зная страха и гнетущей тоски окопных солдат, и вскоре это положение стало восприниматься летчиками как вполне привычное и естественное, несмотря на все опасности. Бойцы на позициях, а также население в тылу, жаждавшие

⁴⁸ *Reimann A. Der große Krieg der Sprachen. S. 68.*

решительного прорыва немцев, находились в зависимости от летчиков, от того, насколько те способны в третьем измерении преодолевать неподвижность войск, дислоцированных на плоскости — земле. Только в третьем измерении, казалось, человеку дана свобода передвижений и возможность пересекать любые границы. Такое понимание воздушной войны служило основой для трансцендирования страданий и позорных поражений, происходивших на земле⁴⁹, а также для упований на своего рода «бога из машины», который, ринувшись с небес, мог решить исход битвы, а то, глядишь, и всей войны.

Такие описания и рассказы, обещавшие читателю аутентичное и реалистичное повествование о военных действиях, способствовали созданию весьма далекой от реализма картины войны. Парадоксально, однако, главным орудием «устранения реализма войны»⁵⁰ были тексты, посвященные передовой военной технике. Авторы создали образы летчиков, по сути, персонифицирующие переломную эпоху, однако эти персонажи остались почти не затронутыми проблемой утраты смысла и ориентиров, которую поставила война перед большинством воинов. Это обстоятельство также способствовало упрочению героического статуса летчиков, смельчаков, не ведающих сомнений и нерешительности. Их семантическая связь со старым, гибнущим миром представлена как нерушимо прочная. Очень хорошо иллюстрируют это показанные в книгах отношения человека и машины.

⁴⁹ Эрик Лид пишет: «В условиях окопной войны обострился и вообще значительный интерес к внешнему виду неба, солнечным восходам и закатам, к атмосферным явлениям, которые Раскин выделил в качестве наиболее важных тем живописного изображения. <...> Небо и земля постоянно предлагали неисчерпаемый запас патетических или иронических контрастов между спокойствием и смятением, вечным и бранным, неизъяснимым и материальным. Пристальное внимание к небу и его обитателям могло лишь усилиться в земном мире, где смерть грозит его обитателям чуть не каждую минуту. <...> Многие полагали, что за пределами их собственного узкого поля зрения существует некое божественное око, некий левиафан, чуждый страданиям, не испытывающий того, что испытывают они, некое создание, наделенное волей и целью, в отличие от их собственного бессилия и беспомощности. Если они и осознавали иррациональность, которая присуща перенесению на творения фантазии всего того, чего эти люди лишились, то сама эта возможность обеспечила появление труднейшей проблемы войны — проблемы продолжения существования и непрерывности смысла». *Leed E.J. No Man's Land, Combat and Identity in World War I. Cambridge, 1979. P. 136.*

⁵⁰ *Virilio P. Krieg und Kino. Logistik der Wahrnehmung. Frankfurt am Main, 1989.*

Все авторы с огромным воодушевлением пишут о своих первых полетах, а также об открывающемся с высоты птичьего полета ландшафте и арене военных действий⁵¹. Самолет как бы становится органическим дополнением физических способностей авиатора, «протезом» и средством достижения власти⁵². Однако ни расширение возможностей человека благодаря машине, ни революционный пересмотр отношений субъекта и пространства не стали предметом размышлений авторов. Если фронтовики на позициях знали, что «автоматы» грозят им гибелью, а разрушительная сила мощной техники может вернуть их к состоянию первоначальной материи, то в небе над окопами парило некое двойственное, механически-органическое существо. В описаниях, вышедших из-под пера летчиков, это новое отношение к машине отражено редко. Их тексты все еще питает вера в прогресс, которая до войны выразилась в охватившем всю Германию восхищении дирижаблями (цепелинами)⁵³. С тех пор технический прогресс находил лишь безоговорочное одобрение. Достоинства летчиков это позитивное отношение к технике не умаляло, напротив, давало им преимущества. «Беспрепятственное применение (техники) как необходимой составной части эффективных действий»⁵⁴ для летчиков не было связано с преодолением чего-

⁵¹ Например, Рихтгофен пишет: «Мы приехали на аэродром. Я впервые сел в самолет. Поднятый пропеллером ветер ужасно меня раздражал. Переписываться с пилотом было невозможно. Все вылетало из рук. Стоило взять клочок бумаги, он тут же исчезал. Шлем у меня съехал набекрень, шарф размотался, куртка была плохо застегнута, словом, вид аховый. Я еще не приготовился к старту, а пилот вдруг дал полный газ, и машина начала разгон. Все быстрее, быстрее. Я судорожно вцепился в сиденье. И вдруг тряска прекратилась, машина поднялась в воздух. Земля внизу мчалась прочь. <...> Я потихоньку начал присматриваться к местности внизу. Люди крошечные, дома, будто из детского конструктора, все — такое хорошенькое и изящное. <...> Кельнский собор — игрушка. Все-таки возвышенное чувство — вот так парить над всем. Кто мне теперь может быть опасен?» *Richthofen M. von. Der rote Kampfflieger. S. 45.*

⁵² «В это время все, у кого руки срослись с рычагами управления, патрулировали здесь, подстерегая добычу», — писал Удет. *Kreuz wider Kokarde. S. 115.* Аналогичное наблюдение находим в книге Буддеке: «Что до моей эскадрильи, то я придавал большое значение летной подготовке пилотов. Находясь в воздухе, пилот должен срастаться с машиной так, чтобы все движения и повороты делать совершенно автоматически и механически. Это главнейшее условие успеха». (*Buddecke H.J. El Schahin. S. 99.*)

⁵³ *Fritzsche P. A Nation of Fliers. S. 9–59.*

⁵⁴ *Rohrkrämer Tb. Eine andere Moderne. S. 244.*

то, в отличие от окопных солдат, которым применение новых материалов несло гибель и которых повергало в растерянность сознание своего бессилия перед техникой и тщетности сопротивления ей. Летчики, особенно выходцы из буржуазии, видели в военных машинах просто осуществление своей мечты о технической игрушке⁵⁵. Самолет стал осуществлением всех желаний; новый, лучший мотоцикл, новый, более быстрый автомобиль — это были вершины в ощущении интенсивности жизни. Молодые авиаторы, настоящие дети своего времени, века восторженного поклонения технике, в войне нашли свой идеал жизни⁵⁶. Для описаний машин характерен тот же контекст, что существовал и до войны. Борьба и личная победа определяют стилистику текстов и воспроизведение в них традиционных понятийных схем, которые препятствовали осмыслению наставших перемен в отношениях между человеком и техникой. Эти описания не обладают прогностическими качествами, они обращены в прошлое, что особенно очевидно при их сравнении, например, с появившимися в то время текстами футуристов.

В этих книгах над полями сражений не кружит ницшеанский человек будущего, тот, «кто строит машины и противоборствует с машинами, для кого машины — не мертвое железо, а органы власти, которыми он владеет с холодным рассудком и жаркой кровью»⁵⁷. Такая интерпретация появилась уже в условиях послевоенного времени, когда

⁵⁵ Бельке пишет о своем новом «фоккере», как о подарке на Рождество: «Это была последняя современная машина, на которой я еще не летал; теперь я, выходит, освоил все модели, какие есть у нас в Германии. “Фоккер” стал замечательным подарком мне на Рождество. Теперь у меня два аппарата: большой биплан для дальних полетов, маленький “фоккер” для поддержки действий артиллерии. <...> Сейчас двое моих деток мирно стоят под шатром, и малыш немного зарылся, а хвост подsunул под крыло большого». (Boelcke O. Hauptmann Bölkkes Feldberichte. S. 26).

⁵⁶ Например, Иммельманн пишет: «Тон, настроение, которые окружают меня здесь, преисполняют меня удовлетворением. Непрерывно гудят двигатели, куда ни посмотри — везде только моторы, авто, грузовики, самолеты всех систем, воздушные корабли, короче, ты здесь по-настоящему в деле... Моя материальная сторона сполна получает свое. Я, так сказать, нахожусь в самой гуще моторов. Езжу то на мотоцикле, у нас их три, то на автомобиле. Или — летаю. <...> А уж до чего мне по вкусу это занятие, наверное, и говорить не нужно». (Immelmann M. Meine Kampfflüge. S. 10, 21).

⁵⁷ Jünger E. Das Wäldchen 125. Eine Chronik aus Grabenkämpfen 1918. Berlin, 1930 (1. Auflage 1925/ 5. Auflage). S. 19.

нужно было заново выработать позитивное отношение к технике. Это требование понятно лишь ввиду наставшего крушения иллюзий. Однако летчиков Первой мировой войны еще воодушевляло «наивное» изумление чудесами техники, свойственное эпохе веры в прогресс. Механическое обогащение жизни, более динамичное существование, культ скорости, а также видимость антибуржуазной позиции, которая обнаруживается в текстах военных летчиков, это выражение декадентства и вольнолюбия эпохи модерна. Только благодаря дискурсу новой войны на смену спортсменам и бонвиванам, любителям приключений пришли изрыгающие огонь железные ястребы. Реальные и семантические параллели и взаимосвязи между “vivere pericolosamente” Д’Аннунцио, формулировкой «атака — это все» Рихтгофена, юнгеровской «бьющей через край витальностью», фашистским превознесением насилия и культом техники наводят на мысль о неотвратимости процесса развития, которой в действительности не было. Летчики не были протофашистами, однако, и такие апологеты войны, как Юнгер, и национал-социалисты легко могли найти у них черты, позволявшие переосмыслить в своем духе образ воина и героя.

«Машины качало очень неприятно. Упасть они, конечно, не упадут, об этом позаботятся сто пятьдесят “лошадей”, но все-таки не очень-то весело знать, что на борту столько взрывчатки и бензина. Наконец, мы достигли более спокойных воздушных слоев и понемногу начали получать удовольствие от полета нашего бомбардировщика. <...> После сброса бомб было чувство: ты что-то совершил, тогда как после вылета истребителя, если никого не удавалось подбить, иногда приходилось говорить себе: мог бы справиться и лучше. Я очень любил сбрасывать бомбы. <...> Мы оставили про запас одну бомбу, чтобы с особой пользой применить ее при возвращении. <...> Мы делаем несколько отклонений от курса, ищем расположение войск, ведь на редкость приятно побеспокоить пулеметным огнем этих господ внизу. Полуварварские племена, какими являются азиаты, паникуют куда больше, чем образованные англичане. Особенно интересно стрелять по вражеской кавалерии. <...> Мой наблюдатель отлично стрелял по братишкам из пулемета, мы здорово повеселились»⁵⁸.

Рихтгофен описывает бомбардировку, свой «праздник стрельбы», и сегодня это описание приводит на память страницы книг о событиях Второй мировой войны или Вьетнама. Но Рихтгофена нельзя считать

⁵⁸ *Richtbafen M. von. Der rote Kampfflieger. Berlin, 1917. S. 83.*

типичным представителем касты летчиков Первой мировой войны. «Красный барон»⁵⁹ был одним из тех энергичных радикалов, кто воплощал переход от «вчерашнего мира» к новому времени, хотя на семантическом и символическом уровне они выступают как противники этого развития. В фигуре Рихтгофена, и в этом его парадигматическое значение, заявила о себе новая эпоха, хоть и предстала она еще в старом, аристократическом одеянии. Его бестселлер «Красный истребитель», 30-й номер в военной серии издательства Ульштайн, вышел в 1917 г., и до окончания войны, то есть всего за год, тираж в 400 000 экземпляров был полностью распродан. Рихтгофен создал образ закаленного, безоглядно храброго воина, его агрессивность говорит о презрении к жизни. Очевидно, он знает лишь свое дело, и тут он усерден, как настоящий «мастер из Германии». Но ничего подобного его холодности, механического восприятия своей работы — убийства — нет ни в одной из всех изученных нами книг, написанных летчиками. Если впоследствии Рихтгофен стал самым известным летчиком, оставив позади других знаменитых асов, то объясняется это отчасти тем, что его красный самолет, как символ, был поливалентным и с успехом использовался в различных контекстах⁶⁰. Тот факт, что из целой когорты героев Первой мировой войны нацисты выбрали именно Рихтгофена, подтверждает наш тезис о наличии в его личности черт переходного характера. Но это же говорит и о том, что тогдашнее обращение к истории Первой мировой войны⁶¹ решительным образом определило характер воспоминаний о ней; ранние картины затерялись под позднейшими наслоениями.

Авиаторы играли заметную роль в новом дискурсе 1920–1930-х гг., — пусть привязанном к Первой мировой войне, но полном актуальной взрывчатой силы. Успешное внедрение техники в жизнь, ставшее характерной чертой современности, было существенным фактором мировоззренческого соперничества различных общественных систем. Как на Западе и Востоке, так и в фашистском «клине», вбитом между этими системами, летчики служили репрезентантами общества, демонстрировали свое соответствие требованиям современности и уверенность в предстоящей

⁵⁹ Так прозвали Рихтгофена, потому что его самолет был выкрашен в красный цвет. Политической символики цвет в данном случае не имел.

⁶⁰ Имена Бельке и Рихтгофена носят сегодня в ФРГ эскадрильи истребителей ВВС.

⁶¹ См.: *Schilling R. Kriegshelden*. S. 289–374.

победе своей системы, не исключая и победы военной, в случае новой войны.⁶² Летчик тут был оптимальным типажем, так как его популярность обеспечивала широкий общественный резонанс. Но лишь в некоторых странах эстетически привлекательный образ воина-героя, вооруженного современной техникой, стал неотъемлемой составной частью проектов, посвященных настоящему и будущему общества. В Германии летчик воплощал примирение с прошлым и будущее. В образе летчика можно было соединить рыцарский идеал и национальное прошлое с требованиями, предъявляемыми к новому homo technicus.

Оживив анахронические представления о воинских доблестях, удалось представить летчика как властелина техники, которую он (заново) сделал своим орудием. Поставленная на промышленные рельсы война сохраняла коннотацию спортивного состязания. В книгах обсуждалась не обеспеченная развитием техники эскалация разрушений, а принцип дуэльной состязательности, испытание силы и стойкости. Восприятие техники как грозной «силы, подвластной своим законам» (Карл Шмитт), летчикам было чуждо — самолеты для них были самодвижущимися протезами. И потому созданный в книгах летчиков образ романтически идеализированного нового века отчасти обусловил тот чуждый рационализму культ техники, который пышным цветом расцвел после войны. Возвышение техники и отношения к ней человека с помощью средневековых рыцарских образов можно считать эмблемой той неудовлетворенности своим временем, которое, все более нарастая после 1918 г., нашло выражение в понятии «реакционного модернизма».⁶³ Поскольку в литературных образах статус и военные действия асов интерпретировались с помощью архаичных, во всяком случае, несовременных символов, этот процесс, пусть в иной связи, был уже подготовлен. Но лишь в условиях поражения Германии «реакционный модернизм» принес свои весьма проблематичные плоды. Образцы интерпретаций, заимствованные у одряхлевшего старого мира, в который попытались, было, вдохнуть новую жизнь, теперь стали лозунгами борьбы против всего нового. Новое же вознамерились подавить, поскольку оно ощущалось как навязанное чуждыми силами. Романтический ореол, увлечение стариной и попытка оживить

⁶² См. например, о советских героях-летчиках: *Günter H. Der sozialistische Übermensch. M. Gorkij und der sowjetische Heldenmythos.* Stuttgart, 1993.

⁶³ *Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich.* New York, 1984.

канувшие в прошлое традиции затрудняли понимание того, что мир прошлого невозможно вернуть. Не в последнюю очередь это было характерно для новых правых. Они отклонили нормативные элементы проекта просвещения и уничтожили в нем стремление к либерализму и эмансипации. Эти движущие силы модернизма стали идентифицировать с победителями или с «внутренними врагами» и, тем самым, всемерно их дискредитировали. В итоге от прежнего проекта нового человека остались лишь его научные и технические аспекты, приправленные изрядной долей романтизма. Но оказалось, что без нормативных ограничений достижения модернизма и, прежде всего, техника может быть использована для поистине варварских целей. Нигилистическим языком тотального господства и разрушения, который вскоре зазвучал со всей своей мощью, летчики Первой мировой войны еще не говорили. Но если не слова, то дела летчиков стали причиной того, что именно они явились прообразами тех, кто вскоре возвысился в Германии. И потому, в конечном счете, нам достался амбивалентный образ химеры, возникший в переломный момент истории, и составленный из противоречия между мифом, который вокруг него вырос, и реальностью, в которой он существовал.

Перевод Г.В. Снежинской